

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

УДК 39

НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА В РАЙОНАХ АГРАРНОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ. В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Коровушкин Д. Г.,

*доктор исторических наук, профессор кафедры
«Философия, социальные и естественно-научные дисциплины»
Новосибирского гуманитарного института,
Новосибирск, e-mail: peka1963@mail.ru*

NATIONAL SCHOOL IN AREAS OF AGRARIAN RESETTLEMENT OF WESTERN SIBERIA OF THE END OF XIX — THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURIES IN THE CONTEXT OF ETHNIC SELF-IDENTIFICATION OF IMMIGRANTS

Korovushkin D. G.,

*Doctor of historical Sciences, Professor of the Department
of philosophy, social and natural Sciences
of Novosibirsk Institute of Humanities,
Novosibirsk, e-mail: peka1963@mail.ru*

Показана история национальной школы представителей нескольких этносов — латышей и эстонцев, российских немцев, украинцев и чувашей, — появившихся в Западной Сибири в результате аграрных переселений конца XIX — начала XX в. Выявлена зависимость уровня организации национальных школ этих этнических групп и уровня владения национальными языками самих переселенцев и их потомков. Определены причинно-следственные связи триады: национальная школа и язык преподавания / языковая компетенция / этническое самосознание. Проанализированы причины и содержание процесса резкого сокращения переписной численности изучаемого населения за последние четверть века. Рассмотрены тенденции этнического развития изученных переселенческих этнических групп, предложены прогностические сценарии.

Ключевые слова: Западная Сибирь; аграрные переселения; диаспоры; национальная школа; национальный язык; языковая компетенция; этническое самосознание.

The history of the National School of several ethnic groups representatives — Latvians and Estonians, the Russian Germans, Ukrainians, Chuvash, had appeared in Western Siberia in the agrarian resettlements of the end of XIX — the first third of the XX century was shown in the article. The dependence of national schools these ethnic groups organization level and level of proficiency in immigrants' mother-languages and their descendants was revealed. Triad relationships of cause and effect are defined: national school and language of teaching / language competence / ethnic consciousness. The reasons and the content of the process of the studied population sharp reduction number for the last quarter of the century were analyzed. Tendencies of ethnic development of the studied resettlement ethnic groups are considered, predictive scenarios were offered.

Key words: Western Siberia; agrarian resettlements; diasporas; national school; national language; language competence; ethnic consciousness, ethnic identity.

Западная Сибирь, ставшая в результате аграрных переселений конца XIX — начала XX вв. новой родиной тысячам представителей десятков этносов, проживавших в европейской части Российской империи, и затем Советской России, являет собой образец этнической мозаики, сложенной диаспоральными группами, расселёнными в сельской местности лесостепной полосы. Именно сельское население вплоть до середины XX в. преобладало в общей демографической структуре макрорегиона.

Пять таких групп — *сибирские латыши и эстонцы, немцы, украинцы и чувашки*, — сформировавшихся в результате массовых переселений из европейской части России в Западную Сибирь в конце XIX — первой трети XX вв. и дисперсно расселенных в общей полиэтнической массе населения Западной Сибири, стали объектом нашего исследования.

Интерес к таким этническим образованиям в последние десятилетия возрос в связи с интенсификацией в них современных этнических процессов, которые могут служить как индикатором тенденций и направлений развития этносов, к которым они принадлежат, так и индикатором меняющегося этнического облика регионов, в которых они расселены.

Одной из важнейших составляющих этнических процессов являются процессы этноязыковые, поскольку именно язык является основным этническим определителем наряду с этническим самосознанием. Рассмотрение особенностей функционирования национальных языков, их места в структуре идентичности локальных сельских переселенческих диаспор невозможны без учёта истории развития национальных школ на местах.

Язык, предстающий основным этническим определителем, одновременно является основным индикатором смены «заявленной», формальной этнической идентичности и глубины трансформации этнического (верхнего, глобального уровня) самосознания. Важным является также то, что именно язык выступает для этноса основным этноинтегрирующим фактором и, соответственно, этнодифференцирующим по отношению к другим этническим общностям. Именно это свойство языка позволяет ему зачастую выступать в качестве символа данной этнической общности [2, с. 54–55].

Являясь одним из элементов культуры, связанным с мышлением, язык не только служит средством коммуникации, но и необходимым условием и одновременно отражением культуры любого народа. Это позволяет считать его одним из основных признаков этноса, наряду с общностью территории, социально-экономической структурой и культурно-бытовым укладом.

Важнейшим институтом культурно-языкового развития в контексте сохранения национально-культурной идентичности любой этнической группы является национальная школа. Применительно к диаспоральным группам, «вкрапленным» в инокультурную и иноязыковую среду, её значение резко возрастает.

В районах переселенческого освоения в Западной Сибири в результате проведения государственной переселенческой политики в конце XIX — начале XX в. была сформирована обширная сеть образовательных учреждений начального уровня, находившаяся в развитии, протекавшем параллельно развитию поселенческой сети (фото 1). Сеть школ и начальных училищ в районах, населенных людьми с иным базовым языком или иной, нежели официальное православие, конфессиональной принадлежностью (как латыши, немцы и эстонцы), имела определенную приспособленность к их нуждам. Преподавание в национальных учебных классах (латышских, немецких и эстонских, т. к. украинских и чувашских не было) велось на родном литературном языке, как правило, священнослужителями различных конфессий, чаще всего — протестантских. Именно последнее обстоятельство предопределило некоторую культурную капсулированность «западных национальных меньшинств» на этом этапе.

С установлением Советской власти государством начала проводиться в жизнь новая языковая политика, основным принципом которой был лозунг: «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка!» [11, с. 150]. И поначалу так оно и было — Наркомпрос РСФСР стал вводить в национальных селениях обучение на их родном языке или преподавание его в школах. В Сибири эту работу координировал Сибирский отдел народного образования (СибОНО), в состав которого входил созданный в 1920 г. Подотдел просвещения национальных меньшинств [25]. В резолюции к докладу «Тактика и ближайшие задачи в области Подотдела Национальных Меньшинств Сибнаробраза» в качестве важнейших принципов деятельности были заявлены следующие: «1. ОНО при организации и практическом осуществлении всех видов просвещения уделяет одинаковое внимание

всем национальным группам вверенной ему территории. 2. Все подотделы Наробраз... распределяют все наличные блага между национальными группировками количественно и качественно по возможности пропорционально» [26].

Фото 1. Открытие Павловского сельского одноклассного училища (с. Исиль-Куль). Русские, немцы. Прииртышье (1910 г.). Фотоархив Исилькульского районного историко-краеведческого музея (Омская область). Оригинал. Сборы автора

Однако при реализации этой масштабной задачи работники Подотдела столкнулись с огромными трудностями. Во-первых, сеть национальных культурно-просветительных учреждений приходилось создавать практически на пустом месте, поскольку существовавшая до Октябрьской революции сеть «русско-инородческих» школ фактически распалась за годы Гражданской войны [27]. Во-вторых, не было кадровой базы — учителей, культпросветорганизаторов, «избачей» — знавших национальные языки в полной мере и могущих преподавать их и на них. В-третьих, в 1920–1923 гг. в Сибири катастрофически не хватало учебников и пособий. Их приходилось заказывать в национальных республиках и областях, где, в свою очередь, они были также дефицитны [28].

В дальнейшем же лозунг В. И. Ульянова (Ленина), легший в основу национальной политики новой, советской власти, на практике обернулся фактическим пренебрежением именно национально-традиционной составляющей этнических культур. Уже к концу 1920-х гг. проявилась тенденция к унификации школьного образования на основе «интернациональных» и «общесоветских» стандартов. В других сферах культуры также старательно «подрезали» национальные корни, в чем, на мой взгляд, ярко проявилось стремление режима к разобщению всех и всего, что зиждилось не на большевистских принципах и подходах.

Дальнейшее функционирование системы школьного образования всех уровней (с начала 1930-х и до середины 1980-х гг.) происходило в русле жёстко унифицированной практики преподавания на официально признанном государственным русском языке. Для Сибири, входившей в состав РСФСР и не имевшей привилегий национальных союзных республик, языковые альтернативы и факультативное преподавание любого иного *родного* языка исключалось априори. Преподавание немецкого литературного языка велось только как *иностранного*.

Относительно немногочисленные попытки ввести факультативно преподавание *родного* (к тому времени для большинства этнофоров *национального*) нерусского языка или учебных предметных курсов на нем в конце 1980-х — начале 1990-х гг. не получили сколько-нибудь широкого и устойчивого развития. Сказался тот же набор факторов, что так мешал развитию *национальной* школы в

1920-х гг. — нежелание властных структур координировать и финансировать эту работу, серьезные проблемы с наличием, заказом и доставкой учебной литературы, резкое ухудшение экономического положения населения, отсутствие подготовленных учителей (здесь следует помнить и о повышенных в сравнении с началом века квалификационных требованиях к преподавателям). 1990-е годы с их социально-политической и финансово-экономической катастрофой для большинства населения страны полностью похоронили практически все эти начинания. Немногочисленные удержавшиеся проекты в рамках деятельности национально-культурных автономий (как некоммерческих организаций и объединений) не смогли сыграть формообразующую роль в этом процессе.

Новое тысячелетие привнесло и новые факторы, не позволяющие воскресить эти ожидания: 1) преобладание среди финансово самостоятельного и дееспособного (средневозрастного) поколения людей с нивелированным или сменным этническим самосознанием; 2) отсутствие побудительных причин и стимулов для изучения уже *неродного* языка у большинства детей и молодежи; 3) полная потеря конкурентоспособности при поступлении в учреждения послешкольного образования людей, не владеющих русским языком в достаточной для сдачи экзаменов мере.

1. Национальная школа конкретных этнических групп переселенцев в Западной Сибири (исторические аспекты)

1.1. Латыши и эстонцы

Первая школа в колониях прибалтийских переселенцев открылась в 1845 г. в дер. Рьжково (Тобольская губ.). Преподавание в ней велось на эстонском, латышском и финском языках. Вообще национальная школа в деревнях сибирских прибалтов многие годы была обычным явлением.

Уровень грамотности латышских и эстонских переселенцев был высоким. Так, Первой всеобщей переписью населения 1897 г. в Тобольской губернии зафиксировано 913 грамотных латышей (27,9 % от всей численности) и 874 грамотных эстонца (43 %) [16, с. 102–105]. В Томской губернии эти показатели составили, соответственно, 406 чел. (27,8 %) и 279 чел. (74 %) (!) [14, с. 100–103]. Значительная их часть была обучена грамоте на родном языке.

По данным демографической переписи 1920 г. по Омской губернии, среди латышей было лишь 51,7 % неграмотных, среди эстонцев — 58 %, среди русских — 78 % [7, с. 102–103]. Одной из главных и широко декларируемых задач латышских и эстонских секций РКП (б) и РКСМ стало возрождение сети национальных школ [10, с. 208]. Эстонские школы продолжили учить детей во время и после гражданской войны. В 1920 г. были открыты новые школы в селах Рьжково и Новый Ревель, а также в деревне Власинская Омской губернии и ряде других населенных пунктов [29], продолжили своё существование школы в латышско-эстонских с. Ивановке и с. Ковалёво (фото 2, 3).

Уже через четыре года латыши и эстонцы достигли таких показателей в борьбе с неграмотностью, что опередили другие национальные меньшинства Сибири [12, с. 83]. Так, неграмотных среди эстонцев Омского округа осталось всего 10 %, среди евреев — 22 %, среди поляков и немцев-колонистов — 48 %, среди украинцев — 65 %, среди татар — 71 %, среди киргизов — 93 %. Из 45 открытых в округе школ ликбеза было 14 татарских, 13 украинских, 11 немецких, 3 эстонских и 3 латышских [4, с. 105].

Однако вскоре перед работниками национальных школ остро встал вопрос недостаточного финансирования. Наробраз вынужден был ввести волостное самообложение сельского населения, а также самообложение родителей учащихся, посетителей библиотек и клубов [12, с. 84]. Культурно-просветительные учреждения были прикреплены к фабрично-заводским предприятиям и учреждениям, а те, что располагались по линиям водных и железнодорожных путей, переданы транспортным органам. Декретом Совнаркома от 15 сентября 1922 г. было введено самообслуживание учебных заведений [30].

Фото 2. Учащиеся Ковалёвской начальной школы. Латыши и эстонцы. Прииртышье (1920-е гг.). Фотоархив историко-краеведческого музея с. Ковалёво Калачинского района Омской области. Оригинал. Сборы автора

Фото 3. Учащиеся Ивановской начальной школы. Эстонцы. Прииртышье (1926 г.). Фотоархив Калачинского районного историко-краеведческого музея (Омская область). Оригинал. Сборы автора

Некоторые успехи были достигнуты в решении проблемы нехватки преподавателей и учителей, зачастую имевших низкую квалификацию [31]. Обучение в латышских и эстонских школах стали вести на двух языках — национальном и русском [10, с. 209]. В деревнях с национально-смешанным населением в национальных школах обучение велось на языке той национальности, которая преобладала [32].

Для латгальцев национальные школы вообще не были созданы. В 1927 г. СибОНО отнесло их, наряду с немцами, латышами, украинцами, белорусами, поляками, евреями и эстонцами, к наиболее культурным национальным меньшинствам Сибири [33]. Однако, по мнению И. В. Лоткина,

это была ошибочная оценка, т. к. не только не выпускалась латгальская учебная литература, но и не готовился педагогический персонал для работы с этой этнической группой. В некоторых латгальских деревнях почти все взрослое население было неграмотным или малограмотным [12, с. 86]. Было принято решение о том, что латгальцы должны посещать существовавшие русские и латышские школы [34]. Безусловно, это отрицательно сказалось на развитии латгальского языка и культуры в Западной Сибири.

Для детей дошкольного возраста во многих латышских и эстонских деревнях (Поливаново, Рыжково, Елизаветино и др.) были организованы национальные площадки, где ребятам прививали навыки рисования, счета, письма и др. С детьми работали в основном студенты Латышского центрального педагогического техникума и Ленинградского эстонского педагогического техникума [10, с. 212].

Многие латыши и эстонцы, окончившие школу, имели возможность продолжить образование в национальных средних специальных учебных заведениях в европейской части России [12, с. 88]. Кроме упомянутых выше педагогических техникумов, в 1921 г. был открыт также Латышский сельскохозяйственный институт в г. Петрограде. Из 40 мест 7 выделялось латышам Сибири, 5 — Башкирии, 8 — Новгородской, 5 — Псковской, 5 — Петроградской, 3 — Московской, 2 — Витебской и 5 — Смоленской губерний [35].

Культурно-просветительная работа среди эстонских и латышских переселенцев в Сибири велась и посредством периодической печати на родном языке. Так, 16 апреля 1918 г. в г. Омске вышел первый номер газеты «Sibirijas Cīņa» («Борьба Сибири») [12, с. 89]. В 1921 г. на латышском языке выходило 6 крупных газет — в Москве, Петрограде, Харькове, Омске (со второй половины года в Ново-Николаевске), Ростове и Пскове [18, с. 130–131].

Таким образом, несмотря на серьезные проблемы в сфере народного образования и организации культурно-просветительной работы, к началу 1930-х гг. прибалтийские поселения в Сибири обладали разветвленной сетью национальных школ и культурно-просветительных учреждений (клубы, избы-читальни, библиотеки, кружки и пр.), национальной прессой и сравнительно высоким культурным уровнем населения [10, с. 217].

Но уже в середине 1930-х гг. были закрыты все газеты на латышском и эстонском языках, выходившие в СССР, ликвидированы издательства, обеспечивавшие прибалтийские школы учебниками, прекратили деятельность латышские и эстонские общественные объединения, а также учебные заведения. Например, в Ленинграде были закрыты Латышский сельскохозяйственный институт, Дом просвещения эстонских трудящихся им. В. Кингисеппа и др. «Осуждению и искоренению подлежало все, что было так или иначе связано с национальной самобытностью» [12, с. 92]. Обучение в школах стали вести на русском языке.

1.2. Немцы

Немецкий язык в России имеет несколько форм: разговорную (с членением на диалекты), литературную, наддиалектное койне, особый культовый язык и т. д. [19, с. 60–64].

Большая часть немецких «колонистов», приехавших в конце XIX — начале XX века в Западную Сибирь осваивать новые земли, не знала русского языка. На местах их водворения правительство разрешало существование самоуправления и сохранение привычного жизненного уклада. На немецком языке осуществлялось делопроизводство и обучение в школах. Образование чаще всего находилось в ведении церкви.

Окончившие школу немцы не могли продолжить образование в государственных гимназиях и университетах, где обучение велось только на русском языке. Государство на протяжении многих лет проводило политику русификации по отношению к немецкому переселенческому меньшинству в России [22, с. 21]. Так, в 1881 г. 535 сельских немецких школ в колониях и 13 центральных училищ (на территории всей России) были переданы в ведение Министерства народного просвещения

[19, с. 55]. Программы обучения были строго регламентированы, все предметы, кроме закона божьего и церковного чтения, преподавались на русском языке учителями, хорошо его знавшими.

Общий уровень грамотности немцев-колонистов в Российской империи был исключительно высок для того времени — 60–70 %. Меннониты все были грамотными [19, с. 56].

Что касается Западной Сибири, то материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. зафиксировали в Тобольской губернии 603 грамотных немца (53,8 % от всей численности), 194 из которых получили образование не на русском языке [16, с. 102–105]. В Томской губернии было 739 грамотных немцев (51,6 %), из которых 163 чел. получили образование не на русском языке [14, с. 100–103]. Для Акмолинской области уровень грамотности среди немцев выражался следующими цифрами: грамотных 2 637 чел. (55 %), из которых 2 318 получили образование не на русском языке [15, с. 62–65]. Возможно это объясняется значительной долей меннонитов в Омском уезде и их «поголовной» грамотностью (см. [19, с. 56]).

К концу 1910 г. на территории только Омского уезда в двенадцати немецких населенных пунктах существовали 3 низших одноклассных училища и 9 евангельско-лютеранских школ, 2 евангельско-лютеранские школы в Омске и одно начальное училище для меннонитов [36].

В Российской империи научно-просветительскую функцию среди немцев выполняли средства массовой печати, выходившие на немецком языке. Это были газеты «Sankt-Petersburger Zeitung», «Odessaer Zeitung», «Saratousche Deutsche Zeitung» и др. Их получали и в сибирских немецких колониях. Существовали также издательства, печатавшие книги на немецком языке. В основном ими были учебники, художественная литература и книги религиозного содержания.

С началом первой мировой войны на фоне российско-германского военного противостояния в российском обществе резко обострились антинемецкие настроения, поэтому немецкие газеты были закрыты, а употребление немецкой речи не поощрялось [19, с. 57].

Революционные перемены все изменили. Согласно принятому в октябре 1918 г. постановлению «О школах национальных меньшинств», обучение в национальных школах должно было осуществляться на родном языке по единым программам [21, с. 13]. Государство «рабочих и крестьян» взяло курс на создание территориальных автономий. В образованной в Поволжье немецкой автономной республике немецкий язык был введен в делопроизводство, увеличилось количество немецких школ, открылось государственное издательство, выпускавшее на немецком языке произведения немецких писателей и учебную литературу, книги религиозного содержания [19, с. 58; 24, с. 14].

В Западной Сибири в начале 1920-х гг., как и во всей стране, национальные школы испытывали колоссальный дефицит средств, недостаток учителей и учебников [37]. Тем не менее, действовали губернские курсы по переподготовке учителей немецких национальных школ [38]. По отчетам Сибсовнацмена, в 1920–1921 учебном году в Западной Сибири действовало 165 немецких школ, 4 детских дошкольных учреждения, 40 изб-читален [10, с. 190] (фото 4).

Однако, как упоминалось выше, через небольшой период времени эта политика стала меняться: например, в августе 1924 г. по решению Омского ГубОНО был принят ряд новаций в финансировании Наробраза. В результате культурно-просветительные учреждения и школы лишились государственного обеспечения, их передали на содержание населения, вводилось самообслуживание учебных заведений (согласно декрету Совнаркома от 15 сентября 1922 г.) и др. [39]. Обучение в национальных школах стали переводить на русский язык [40], количество немецких национальных школ резко сократилось.

Дальнейшей русификации немецкой школы способствовало принятие конституции 1936 г., а также специальное постановление СНК и ЦК ВКП (б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [10, с. 191].

С 1942 г. по 1956 г. в СССР не выходили книги и газеты на немецком языке, который стали считать иностранным (он даже не входил в число языков народов СССР). Лишь в конце 1980-х гг. в

некоторых школах по инициативе родителей-немцев ввели преподавание немецкого языка в качестве родного, либо его углубленное изучение.

Фото 4. Учащиеся школы с. Солнцевка. Немцы. Прииртышье (1932 г).
Фотоархив Искилькульского районного историко-краеведческого музея
(Омская область). Оригинал. Сборы автора

Сама форма существования немецкого языка в России весьма своеобразна. Немецкие крестьяне-колонисты, говорившие на разных диалектах, практически не знали литературного немецкого языка [10, с. 192]. Добавим к этому огромные расстояния между поселениями (особенно в Сибири). Все это привело к тому, что язык развивался и функционировал на новой родине, исходя из того набора языковых средств, который был привезен с собой его носителями [19, с. 61].

Что касается немецкого языка в Сибири, то актуальным для него остается диалектная пестрота. Интересным представляется явление отсутствия смешения диалектов в смешанных браках. Диалекты супругов сосуществуют параллельно. При этом дети в таких браках говорят чаще всего на некоем «смешанном», наддиалектном, языке, понимая, но не используя родительские диалекты.

Согласно исследованиям Т. Б. Смирновой, в Западной Сибири проживают носители всех основных немецких диалектов [19, с. 62–64]. Ею отмечено весьма слабое владение немцами Сибири немецким литературным языком, поэтому в нашем исследовании под термином «немецкий язык» понимается диалект *муттершпрах*.

1.3. Украинцы

Представители изучаемой нами группы украинского населения проживают в иноэтничной среде, находясь в основном в русском окружении. В этих условиях огромную роль играют коммуникативные факторы, т. е. непосредственные межэтнические контакты, постоянное общение с представителями другой национальности (чаще всего русской) в различных сферах общественной жизни: на учебе, на производстве, в общении с друзьями и соседями [17].

Отличительной особенностью украинских крестьян (как и остальных славянских — великоросских и белорусских — переселенцев) конца XIX — начала XX вв. являлся весьма низкий уровень

грамотности. Так, Первая всеобщая перепись населения 1897 г. зафиксировала в Тобольской губернии среди украинцев лишь 3 763 грамотных (9,9 % от общей численности) [16, с. 102–105]. В Томской губернии эти показатели не выходили за рамки статистической погрешности — 10 396 чел. (10,5 %) [14, с. 100–103]. У украинцев Акмолинской области перепись зафиксировала 6 128 грамотных (12 %) [18, с. 62–65].

Немногочисленность школ (вернее, практически полное их отсутствие на первых порах) и бросающийся в глаза пример соседей-немцев подвигли украинских переселенцев на хлопоты по истребованию государственной поддержки на развитие образовательной сети. Уже в первом десятилетии XX в. в районах широкого переселенческого освоения Западной Сибири (особенно в Омском уезде Акмолинской области) во множестве были учреждены начальные школы и училища — в сёлах Таврическое, Павлоградское, Полтавка, деревнях Андреевка, Белозеровка, Веселая Роща, Георгиевка, Гончаровка, Карповка, Красногорка, Любомировка, Ново-Екатериновка, Ольгино, Пальцевка, Тихорецк и десятках других [3; 9; 8]. Казна выделила на эти нужды достаточно серьезные для того времени средства — от 5 до 15 тыс. рублей. Подобные процессы были характерны и для районов украинского освоения в Кулунде (современный Алтайский край), да, собственно, и для всей Сибири.

Таким образом, к началу революции 1917 г. сибирская украинская сельская переселенческая диаспора располагала широкой образовательной сетью (в основном, первой ступени обучения). Именно эта сеть стала основой советской системы образования в местах расселения украинских переселенцев, отнюдь не выросшей одномоментно и на пустом месте.

В 1920-х гг. образовательной системе, обучающей подрастающее поколение украинских детей в Сибири, были присущи все те отличительные черты, которые описаны нами выше для латышской, немецкой и эстонской сельских школ — активное внедрение «национальных» программ и учебников из этнических метрополий и т. п.

Как у латышей, немцев и эстонцев, упор в распространении украинского языка делался на периодические издания. Выпускались они в Киеве и Харькове. Среди них: «Боротьба», «Літературно-Науковий Вістник», «Нова Воля», «Народня Воля», «Робітничя Газета» [20].

К середине 1930-х гг., как и повсеместно в России, национально ориентированная система образования была свернута, модернизирована и вновь поставлена на *de-facto* русификаторские рельсы. Для сибирских украинцев, чей язык был изначально близок к русскому, это определило всё их дальнейшее этноязыковое развитие.

Предвоенный период и годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг., характеризовавшиеся значительными потерями и утратами межпоколенных культурных связей, индивидуальными и коллективными миграциями и перемещениями, стали переломными для этноязыковой ситуации у украинцев Западной Сибири. Носители языка, получившие образование на национальном языке, с возрастом все более утрачивали влияние на формирование языкового облика подрастающих поколений. Украинский язык все сильнее уходил в сферу домашнего и соседского общения, будучи полностью исключен из официального документооборота и сферы производственного общения. Особенно это было характерно для многонациональных населенных пунктов.

Для районов расселения сибирских украинцев даже в конце 1980-х — начале 1990-х гг. было характерно почти полное отсутствие литературы на украинском языке. Среди украинцев, опрошенных нами тогда, 92,6 % читали периодику на русском языке и лишь 10,5 % — на украинском. Никто не читал на украинском языке учебную, общественно-политическую и научно-техническую литературу, а вот художественные произведения — 2,2 % респондентов. Текущая ситуация (начала нового века), отмечена тотальным падением интереса к периодической печати вообще, а к национальной, тем более требующей доставки из-за рубежа, особенно.

В результате уже к 1987 г. до 95,5 % сибирских украинцев свободно владели русским языком, при этом свободное (полное) владение языком своей национальности достигало лишь 17,7 %.

Последняя всероссийская перепись населения (2010 г.) зафиксировала следующие результаты владения¹ языком своей национальности у украинцев Западной Сибири в границах СФО: от 14,4 % в Омской области до 32,3 % в Томской области [13, с. 216–219].

Таким образом, для сибирских украинцев более характерно всестороннее владение русским языком, чем знание национального языка. Данная тенденция обусловлена ролью общеобразовательной школы: в районах проживания украинцев в течение нескольких десятилетий преподавание всех предметов в общеобразовательных школах ведется на русском языке.

1.4. Чуваши

Особенностью чувашской переселенческой диаспоры на этапе ее формирования в Западной Сибири являлся очень невысокий уровень грамотности. Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. зафиксировали в Томской губернии самые низкие из обозреваемых нами этнолокальных сообществ показатели — 4,6 % грамотных [14, с. 100–103]. По Тобольской губернии достоверные данные не обнаружены. В Акмолинской области были переписаны лишь 165 чувашей, грамотность которых не указана [15, с. 62–65]. Можно предположить, что и в Акмолинской области, и в Тобольской губернии положение с грамотностью среди чувашей не отличалось от обозначенного данными по губернии Томской.

Чувашская национальная школа в Западной Сибири до установления Советской власти фактически не существовала. Первые школы, официально использующие в обучении родной для переселенцев язык, стали создаваться в чувашских селениях по инициативе СибОНО Подотделом просвещения национальных меньшинств. Тяжелое положение с учебными пособиями усугублялось и резко возросшим притоком переселенцев из европейской части России: только за 1920–1923 гг. численность чувашей в Новониколаевской, Омской, Томской и Тюменской губерниях удвоилась [7; 41; 42]. Еще один негативный фактор — невозможность точно учесть потребности чувашского населения в культурно-просветительных учреждениях и школьных учебниках из-за отсутствия опыта подобной работы. Сюда же можно отнести и относительную бедность чувашских переселенцев, которые часто не могли позволить себе покупку книг. Сибнаробраз даже ставил вопрос о централизованной государственной помощи этим группам населения для приобретения учебных пособий, содержания школ и т. п. [43].

Потребность же в культурно-просветительном и образовательном обслуживании у чувашей Западной Сибири была огромной: процент грамотных среди них составил в 1923 г. всего 9,5 % (ср.: среди немецкого населения в это время, по данным СибОНО, грамотных было 35 %) [44; 7, с. 50–103]. В 1922–1923 учебном году в Западной Сибири уже существовало около 40 школ первой ступени с преподаванием на чувашском языке и 12 базовых чувашских изб-читален [45].

Процесс создания системы национальных школ и учреждений национального культпросвета прервался, когда культурно-просветительные учреждения и школы были сняты с государственного снабжения и переданы на содержание населения [46]. Сделано это было без предварительной разъяснительной работы, а почти все уездные и некоторые губернские отделы народного образования при сокращении штатов мгновенно ликвидировали подотделы просвещения национальных меньшинств. Все это роковым образом сказалось на состоянии культурно-просветительной работы среди национальных меньшинств, поскольку при проведении этой кампании совершенно не были учтены финансовые возможности переселенцев содержать школы [47].

В результате число чувашских школ в Западной Сибири сократилось до 17 [48], а из 8 158 чувашских детей школьного возраста имели возможность учиться лишь 630 [49]. Кроме того, к 1925 г. стала проявляться «недопустимая» тенденция к переводу обучения в национальных школах на русский язык [50].

¹ В соответствии с переписным листом формы Л, «владение языком» означает умение говорить, читать и писать или только говорить на данном языке.

Однако усилия местных органов власти и политических комитетов привели к заметным изменениям в культурном облике сибирских чувашей: грамотных среди них стало больше. Среди сельских жителей этот показатель составил 22,8 %, а среди городских — 46,9 % [2, с. 68–87, 192–199]. По мере прибытия и водворения новых переселенцев из Чувашии и других областей Поволжья появлялись и новые школы [51].

К концу 1920-х гг. положение с обеспечением образовательных потребностей чувашского населения Западной Сибири стабилизировалось: практически во всех обследованных нами селениях были построены и действовали школы различного уровня, создана сеть пунктов по ликвидации неграмотности, изб-читален. Однако в большинстве школ преподавание велось на русском языке, чувашский же язык лишь в редких случаях преподавался как родной.

Об ослаблении внимания органов народного образования и местной власти к проблеме удовлетворения культурно-национальных потребностей чувашского населения говорит и ряд других фактов. Так, в начале 1930-х гг. стали сокращаться поставки литературы на чувашском языке в школы и сельские библиотеки, перестали выходить местные периодические издания на национальном языке. С начала 1930-х гг. из статистических сведений и отчетов органов культуры и народного образования полностью исчезли данные о работе среди национальных групп, проживающих бок о бок с русскоязычным населением.

Такой подход, естественно, не способствовал закреплению за чувашским языком приоритетов в складывающемся чувашско-русском двуязычии. Большое значение здесь имело и то, что при водворении переселенцев из европейской части страны на новое местожительство, как правило, не учитывались особенности их национальной, языковой и территориальной принадлежности. О подобных несообразностях свидетельствуют заявления чувашских переселенцев в Сибирское краевое земельное управление с просьбой о поселении их в национальных населенных пунктах [52].

Все это вынуждало чувашское население в Западной Сибири использовать русский язык не только в межэтническом общении, но и как средство внутриэтнической коммуникации. Соответственно уменьшалось количество людей, признававших чувашский язык родным. По переписи населения 1926 г., для сельских чувашей исследуемого региона этот показатель равнялся 91,6 % [2, с. 68–105], а в 1959 г. — лишь 72,4 % [5, с. 330–382]. При этом среди чувашей ЧАССР в 1959 г. таких людей было 97,5 % [5, с. 318], а в целом по чувашам СССР — 90,8 % [6, с. 9].

На развитие этой ситуации в огромной мере повлияли потери населения в период Великой Отечественной войны. Многие мужчины — носители этнической информации и языка — не вернулись домой, а женщины и старики либо гибли в результате голода и напряженной работы, либо не имели возможности полноценно учить языку младшее поколение. В этот период также были разорваны и утрачены многие родственные и культурные связи с чувашами других регионов страны.

В конце 1950-х — середине 1970-х гг. на развитие этноязыковой ситуации у чувашей Западной Сибири стали оказывать влияние и другие, ранее не существовавшие (или несущественные) факторы — сплошная электрификация и радиофикация сел, появление телевидения, внутриобластные миграции (из сел в города, в райцентры и т. д.). Большое негативное воздействие оказала кампания по расселению и ликвидации «неперспективных» деревень, в результате которой чуваша, жившие в Сибири небольшими компактными моноэтническими поселениями, стали попадать в иноязычную (как правило, русскую) среду. Необходимо заметить, что все радио- и телепередачи местных и общесоюзных станций велись в этот период на русском языке. Сложилось положение, когда уровень знания чувашского языка сибирскими чувашами был явно недостаточен для продолжения образования в учебных заведениях Чувашии. Это принуждало молодежь больше использовать русский язык во всех сферах жизнедеятельности.

К 1970 г. лишь 60 % сельских жителей чувашской национальности в Западной Сибири называли родным чувашский язык [6, с. 107–122].

Результаты обследования, проведённого нами в конце 1980-х — начале 1990-х гг. показали следующее: чувашский язык считали родным 80,2 % опрошенных, причем этот показатель варьирует от 58,6 % (мужчины 25–29 лет) до 96,8 % (женщины старше 60 лет). Достаточно своеобразным оказалось положение с языковой компетентностью чувашей обследованных групп. Так, свободно владели чувашским языком (свободно говорили, читали и писали) лишь 33,8 % респондентов, а 3,7 % — не владели им вовсе. Половина же опрошенных чувашей Западной Сибири (50,8 %) владели чувашским языком лишь на разговорном уровне. Что же касается русского языка, то им свободно владели 82,2 % респондентов, а не владели — лишь 0,7 % (женщины старше 60 лет)/

Эти данные находятся в прямой связи с уровнем образованности обследованного чувашского населения (какое и на каком языке образование получил респондент). При обработке материала за основу взято последнее (окончательное на момент опроса) образование, без учета перевода в процессе учебы с одного языка обучения на другой.

В силу изначальной неразвитости, а затем и полного исчезновения сети чувашских национальных школ на территории Западной Сибири подавляющее большинство опрошенных нами чувашей (71,7 %) получили образование на русском языке. Те опрошенные, что обучались на чувашском языке (17,8 %), принадлежат к старшим возрастным группам.

Результаты реальной речевой деятельности чувашей Западной Сибири доказывают тезис о существовании развитого чувашско-русского двуязычия с превалированием русского языка в системе реальной речевой деятельности.

Одним из основных показателей в системе языковых предпочтений служит установка на язык школьного обучения, определяемая по двум параметрам: степени осознания необходимости преподавания детям языка своей национальности и выбору школы и языка обучения для своих детей в проективной ситуации. Второй параметр позволяет более полно отразить языковые ориентации респондентов [23, с. 80], вынужденных в реальной жизни довольствоваться имеющимися школами.

Так, 28 % наших респондентов считают нужным преподавать детям в школе чувашский язык как учебный предмет, отрицательно ответили 52,1 %. Среди информаторов 95,4 % хотят, чтобы их дети учились в русской средней школе, и лишь 4,6 % респондентов предпочли бы отдать их в чувашскую среднюю школу. Процент тех, кто желал бы обучать своих детей в чувашской начальной школе, был выше.

Эта установка в немалой степени обусловлена тем, что за последние 50 лет в обследованных нами областях не было открыто ни одной чувашской школы, ни одного класса с преподаванием чувашского языка. Усилия органов народного образования как-то решить эту проблему наталкиваются, в том числе и на нежелание со стороны населения.

2. Трансформации этнического самосознания

Важнейшим индикатором итогов развития по нисходящей системы национальных школ в среде этнолокальных групп нерусских переселенцев является положение с этнической самоидентификацией их представителей на современном этапе, а именно: неуклонное, а в последние два десятилетия стремительное снижение переписной численности обозреваемых нами этнолокальных групп.

Резкое падение численности сельских переселенческих диаспор в Западной Сибири, демонстрируемое результатами всероссийских переписей населения нового тысячелетия по всем субъектам, охваченным исследованием, при ближайшем рассмотрении оказывается индикатором масштабов смены официального этнического самосознания.

Так, например, с 1989 по 2010 гг., по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., переписная численность украинцев сокращалась весьма значительно, в разы (табл. 1).

Численность украинцев в регионах Западной Сибири (1989 — 2010 гг.)*

Регион	Год		
	1989	2002	2010
Алтайский край	75 024	52 700	32 226
Кемеровская область	65 245	37 622	22 156
Новосибирская область	51 027	33 793	22 098
Омская область	104 830	77 884	51 841
Томская область	25 799	16 726	11 254

Однако при сопоставлении численности людей, определивших себя украинцами, с общей численностью населения по регионам и по районам особенно хорошо видно, что эти данные индицируют именно смену этнического самосознания людей, ныне свободных в выборе национальной принадлежности.

Этот процесс является универсальным для четырех из пяти обследованных нами групп. Исключение составляют немцы, значительная часть которых в 1990-е гг. выехала на постоянное место жительства в Германию. Украинцам, эстонцам и латышам, проживающим в Западной Сибири, их этнические «метрополии», одновременно ставшие независимыми государствами, подобных возможностей не предоставляли. Что касается немцев, остающихся в России, то они, несомненно, имеют общие для представителей всех изучаемых нами сельских переселенческих диаспор тенденции развития.

* * *

Резюмируя итоги рассмотрения в исторической динамике развития системы национальной школы у представителей сельских переселенческих диаспор Западной Сибири как составной части языковых процессов и процессов трансформации этнического самосознания, мы можем сделать следующие выводы:

1) общим в языковом развитии сравниваемых нами сельских переселенческих диаспор являются смазанность диалектных различий, превращение национально-русского двуязычия в массовое явление, сужение сферы действия национальных языков до уровня внутрисемейного и узкобытового общения; превалирование уровня свободного владения русским языком над уровнем свободного владения национальными языками; достигнутая на современном этапе очень высокая степень ассимиляции со стороны русского языка, имеющая тенденцию к усилению до абсолютной;

2) современное этническое самосознание латышей, эстонцев, немцев, украинцев и чувашей Западной Сибири, являвшееся бинарной, а то и триарной структурой, последние 50 лет подвергавшееся активному размыванию в связи с фактическим разрушением механизма трансмиссии этнической культуры и вертикальных (межпоколенных) связей, на современном этапе испытывает новую трансформацию, приводящую к добровольной смене этнической идентичности, как причине и одновременно следствию, этноязыковой и культурной ассимиляции.

Литература

1. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М. : Наука, 1973. — 283 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. — М., 1928. — Т. IV. Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР; Т. VI. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР; 1929. — Т. IX. РСФСР, отд. I. — 339 с.
3. Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. — Омск, 1914. — 1250 с.
4. Из отчета Совета национальных меньшинств при ГубОНО о состоянии работы // Наш край. — Омск, 1985. — Ч. I. — С. 104–105.
5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. — М. : Госстатиздат ЦСУ РСФСР, 1963. — 284 с.
6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. — М. : Статистика, 1973. — Т. IV. — 648 с.

7. **Итоги** демографической переписи 1920 года по Омской губернии: возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности. — Омск : Губстатбюро, 1923. — Вып. 2. — 109 с.
8. **Колесников А. Д.** Моё Таврическое: Очерки истории Таврического района Омской области. — Омск, 1999. — 212 с.
9. **Колесников А. Д.** Полтавка сибирская: очерки истории района. — Омск : ИПК «Омич», 1995. — 200 с.
10. **Коровушкин Д. Г.** Неславянские этнодисперсные группы Западной Сибири: формирование и этнокультурная адаптация / Д. Г. Коровушкин, И. В. Лоткин, Т. Б. Смирнова. — Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. — 272 с.
11. **Ленин В. И.** Капитализм и иммиграция рабочих // Полн. собр. соч. — М. : Изд-во полит. лит., 1973. — Т. 25. — С. 89–92.
12. **Лоткин И. В.** Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. — М. : Изд-во Ин-та этнологии и этнологии РАН, 1996. — 256 с.
13. **Национальный** состав и владение языками, гражданство // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. — Т. 4. — [Электрон. ресурс (дата обращения 08.11.2015)]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
14. **Первая** всеобщая перепись Российской империи 1897 г. — СПб., 1904. — Т. 79. Томская губерния. — XXV, 245 с.
15. **Первая** всеобщая перепись Российской империи 1897 г. — СПб., 1904. — Т. 81. Акмолинская область. — X, 135 с.
16. **Первая** всеобщая перепись Российской империи 1897 г. — СПб., 1905. — Т. 78. Тобольская губерния. — XLVI, 247 с.
17. **Пименов В. В.** Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. — Л. : Наука, 1977. — 262 с.
18. **Раевский В.** Латышские секции РКП (б). — Рига : Лиесма, 1976. — 192 с.
19. **Смирнова Т. Б.** Немцы Сибири: Этнические процессы. — Омск : ИЦ «РУСИНКО», 2002. — 210 с.
20. *Статут* Омської української вільної громади. — Омск : Тип. Акмол. Област. Правління, 1917. — 16 с.
21. **Талдин Н. В.** 50 лет СССР и просвещение национальностей // Сов. педагогика. — 1972. — № 11. — С. 13–28.
22. **Черказьянова И. В.** Школьное образование российских немцев: проблема взаимодействия государства, церкви и общества (1830–1917 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — СПб., 2008. — 32 с.
23. **Чуваши:** Современные этнокультурные процессы. — М., 1988. — 239 с.
24. **Eisfeld A.** Russland / Sowjetunion // Informationen zur politischen Bildung. — Munchen, 1991. — S. 10–24.
25. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 115, л. 11.
26. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 115, л. 47.
27. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 553, л. 14.
28. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 139, л. 2 об.
29. ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1152, л. 26, 36, 39.
30. ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 128, л. 9.
31. ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1143, л. 13; ф. 1152, оп. 1, д. 1166, л. 5.
32. ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1143, л. 4–5.
33. ГАОО, ф. 1152, оп. 1, д. 54, л. 11.
34. ГАОО, ф. 1152, оп. 1, д. 1166, л. 16.
35. ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 1149, л. 2.
36. ГАОО, ф. 8, оп. 1, д. 6а, л. 1–20.
37. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 139, л. 2.
38. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 139, л. 23.
39. ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 128, л. 9.
40. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 679, л. 32.
41. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 553, л. 11.
42. ГАТО, ф. 251, оп. 1, д. 273, л. 16–28 об.
43. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 139, л. 2 об; д. 519.
44. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 553, л. 67.
45. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 553, л. 2, 12, 19.
46. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 679, л. 34.
47. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 553, л. 17–19.
48. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 553, л. 102.
49. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 553, л. 72.
50. ГАНО, ф. 1053, оп. 1, д. 679, л. 32.
51. ГАТО, ф. 84, оп. 1, д. 154, л. 1.
52. ГАНО, ф. 209, оп. 1, д. 492, л. 64; д. 650, л. 268.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАНО — Государственный архив Новосибирской области.
 ГАОО — Государственный архив Омской области.
 ГАТО — Государственный архив Томской области.